

Н. П. Генералова

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗДАНИЯ СТИХОТВОРЕНИЙ ФЕТА (Собрание сочинений и писем в 20 томах)

Какие могут возникнуть проблемы с текстами, уже не раз изданными и изданными в таких авторитетных изданиях, как «Библиотека поэта» и «Литературные памятники»? Казалось бы, после трех изданий в Большой серии «Библиотеки поэта», подготовленных известным текстологом Борисом Яковлевичем Бухштабом,¹ вряд ли могут появиться какие-либо существенные вопросы при издании поэтического наследия одного из величайших русских лириков — Афанасия Афанасьевича Фета. Тем не менее предпринятое в начале нынешнего столетия Собрание сочинений и писем поэта в 20 томах (в сущности, полное собрание сочинений, хотя и не заявленное как таковое на титуле) поставило перед его исполнителями прежде всего именно текстологическую проблему.

Памятуя о достаточно драматической истории издания сочинений Фета (речь идет пока только о поэтическом наследии), редколлегия будущего издания во главе с В. А. Кошелевым с самого начала понимала, как важно помимо полноты представить читателю наследие поэта очищенным от многочисленных поправок усердных редакторов. И не только тех, чьи имена канули в Лету, но и таких знаменитых, как Ап. А. Григорьев, И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов, А. В. Дружинин,

¹ Первым было издание 1937 г., наиболее полное из всех трех: 1) *ПССМ 1937*; 2) *ПССМ 1959*; 3) *Фет А. А. Стихотворения и поэмы / Вступит. ст., составление и примеч. Б. Я. Бухштаба. Л., 1986*. Далее ссылки на это издание даются сокращенно: *СлП 1986*. Как указано в преамбуле к примечаниям, «в работе по подготовке настоящего издания принял значительное участие М. Д. Эльзон» (С. 633).

П. В. Анненков, Л. Н. Толстой, Н. Н. Страхов, Вл. С. Соловьев и многих других. К сожалению, осуществить подобное намерение на практике не было никакой возможности, поскольку большинство замечаний, высказанных литературными друзьями Фета по поводу его стихотворений, попросту не сохранилось. Нет сомнения, что они делались подчас в устной форме при дружеском обсуждении его произведений сначала в кружке «Современника», а в поздние годы с теми, кто приезжал в Воробьевку (Страхов, Соловьев, Толстой и др.) или заходил на Плющиху. Но и те документальные свидетельства, которые сохранились в архивах в виде переписки, говорят о том, что хотя Фет внимательно прислушивался к своим «литературным советчикам», которых, к слову сказать, выбирал сам, но вносил исправления в написанные тексты всегда по собственной воле. Кроме того, надо учитывать и тот факт, что если многие поздние стихотворения Фета сохранились в автографах, иногда в нескольких, то значительная часть ранних автографов оказалась навсегда утраченной.

Было также понятно, что принятый после смерти Фета способ подачи основного корпуса его поэтических произведений далеко не так совершенен, как могло показаться. С прозой, публицистикой, мемуарами, многочисленными переводами, наконец, с письмами Фета было, на первый взгляд, гораздо легче, поскольку комментированных изданий этой части наследия Фета практически не было или они появлялись в неполном виде.² Что же касается поэтического наследия, то вставало два вопроса: как подавать оригинальные стихотворения и что делать с переводами, которых набиралось по предварительным подсчетам на несколько томов.

Строго говоря, следовало бы разместить поэтическое наследие Фета в хронологическом порядке, хотя далеко не во всех собраниях сочинений этот принцип принимался за основу. Однако и здесь составителей подстерегал ряд неразрешимых проблем. Главная из них заключается в том, что очень многие стихотворения Фета поддаются лишь условной датировке. При хронологическом подходе пришлось бы либо помещать их в конце томов, либо оставлять условную датировку, подрывающую сам принцип хронологической подачи текстов. Кроме того, пришлось бы совершенно отказаться от поэтических циклов, принятых Фетом

² Среди этих изданий следует выделить несколько, подготовленных А. Е. Тарховым и Г. Д. Аслановой: *Фет А. А.* 1) Соч.: В 2 т. М., 1982; 2) Стихотворения. Проза. Письма. М., 1988; 3) Стихотворения, поэмы. Современники о Фете. М., 1988 и др.

уже в первом сборнике «Лирический Пантеон». К тому же от сборника к сборнику циклы расширялись и даже меняли названия. Не стоит и говорить, что позднее творчество Фета, представленное четырьмя выпусками «Вечерних огней», «выстроилось» бы в хронологически выверенный ряд, не давая представления об их композиции и составе.

По вопросу о способе подачи собственно поэтической части литературного наследия Фета было принято решение, которое в целом можно считать взвешенным. Несмотря на то, что все предыдущие издатели за исходный момент, с теми или иными отклонениями, принимали так называемый список 1892 года, составленный самим Фетом (и записанный рукой его секретаря Е. В. Федоровой),³ многое в такой подаче материала вызывало вопросы. Например, как представлять ранние редакции и какие из них считать ранними (те, что были напечатаны в периодике, или те, что сохранились в автографах), по каким изданиям печатать тексты (по прижизненным сборникам или по авторитетным посмертным изданиям), в какой мере учитывать авторскую орфографию и интерпункцию и т. д. Наконец, самый уязвимый момент в воспроизведении списка 1892 года состоит в том, что мы не знаем, собирался ли Фет дорабатывать свои стихотворения и можно ли вообще считать этот список окончательным.

Именно поэтому, хотя издатели первого посмертного собрания поэтического наследия Фета в двух томах, предпринятого по желанию вдовы поэта и на ее «иждивение», придерживались последней «авторской воли» и в целом следовали списку 1892 года, они позволили себе внести некоторые коррективы в составленный план. Интересный материал для истории этого в своем роде замечательного издания содержится в сохранившейся переписке издателей — великого князя Константина Константиновича и Н. Н. Страхова. Сборник вышел в свет в 1894 году под названием «Лирические стихотворения».⁴

³ Ныне он хранится в РГБ. Ф. 315. К. 14. № 45. Собственно, здесь хранятся три списка несостоявшегося Полного собрания стихотворений: 1-й, записанный под диктовку Фета его секретарем, с пометами К. Р.; 2-й, написанный рукой Вл. С. Соловьева, и 3-й, написанный рукой К. Р. Все эти материалы были связаны с подготовкой первого посмертного собрания стихотворений 1894 г.

⁴ Интересно, что при обсуждении обложки возникли сомнения относительно общего заглавия сборника. 5 марта 1894 г. Страхов писал К. Р.: «Еще прошу Вашего разрешения на то, как устроить общее заглавие. Мне делали замечание, что слово *лирический* — лишнее; но я стою за него хотя бы для того, чтобы отличить это издание от предыдущих» (см.: К. Р. *Переписка*. С. 423). Между тем это заглавие будущего сборника Мария Петровна Шеншина называла уже в письме к К. Р. от 29 де-

Особенно важно подчеркнуть, что Страхов, на чью долю выпала основная часть работы по подготовке издания 1894 года, очень хорошо понимал, что оно является лишь пробным камнем для настоящего полного и комментированного издания. Вот что он писал К. Р. 7 сентября 1893 года: «Мне кажется, всего лучше сделать два издания: одно — простое собрание всех стихотворений, стоящих чтения, с исключением всего явно слабого, без всякого библиографического и другого аппарата; другое — совершенно полное, со всеми подробностями, какие можно добыть, с вариантами и т. п. Первое издание можно сделать в одном томе, напечатать его в значительном числе экземпляров и пустить не очень дорого; другое издание напечатать для изыскателей в нескольких сотнях экземпляров».⁵ О будущем научном издании Фета Страхов писал и в предисловии к двухтомнику «Лирических стихотворений». Более того, он заявлял, что оно уже готовится: «Прибавим, что уже начаты приготовления к *Полному собранию сочинений А. Фета*, которое будет обнимать все им писанное, будет расположено в строго хронологическом порядке и снабжено вариантами и библиографическими указаниями».⁶

Итак, ориентируясь на список, составленный самим Фетом, Страхов и К. Р. составили сборник, внося в него необходимые, с их точки зрения, изменения. Ликвидировав раздел «Разные стихотворения», они прибавили новый — «Вечерние огни», как писал Страхов в предисловии, «заглавие столь памятное и дорогое всем почитателям».⁷ В него был включен впервые раздел «Стихотворения, приготовленные для пятого выпуска „Вечерних огней“». Правда, многие стихотворения из всех пяти выпусков были перенесены в другие разделы. В то же время во всех разделах, указанных в списке Фета, стихотворения в новом издании были расставлены в хронологическом порядке. Этот вопрос Страхов и К. Р. обсуждали специально.

кабря 1892 г., откликаясь на готовность великого князя принять участие в подготовке издания (*ИРЛИ*. Ф. 137. № 76. Л. 303 об.). Можно предположить, что это заглавие сборнику могло быть дано самим Фетом.

⁵ Н. Н. Страхов и К. Р. / Публ. Л. И. Кузьминой // *К. Р. Перетиска*. С. 411.

⁶ См.: *Фет А. Лирические стихотворения*: В 2 ч. СПб., 1894. Ч. 1. С. XV. «Этого большого издания нельзя обещать в скором времени, — писал далее Страхов, — и мы поспешили дать читателям то, что хотел им дать сам поэт, и в той самой форме» (Там же).

⁷ *Фет А. Лирические стихотворения*. Ч. 1. С. XV.

Повторим, что поскольку издание не было подготовлено Фетом в окончательном виде (хотя вдова поэта и говорила об обратном),⁸ Страхов и К. Р. с полным правом могли считать себя исполнителями «завещания покойного».

Особенно важно, что при подготовке первого посмертного собрания стихотворений Фета составителям были предоставлены вдовой поэта всевозможные материалы из личного архива, в том числе: указанные списки, сборники с пометами Фета и внесенными поправками, переписка, рабочие тетради, большая часть которых впоследствии была утрачена, в том числе две тетради неизданных стихотворений. Несмотря на обнаруженные в издании ляпсусы,⁹ оно все же остается важной вехой в истории изданий поэтического наследия Фета. На него во многом опирались и последующие издатели.

К сожалению, Страхову не удалось завершить начатое и подготовить второе издание, о котором он мечтал. Он скончался немногим более чем через полтора года после выхода в свет «Лирических стихотворений», в январе 1896-го, успев, однако, привлечь к делу будущего издателя наиболее полного собрания стихотворений Фета Бориса Владимировича Никольского, тогда еще студента юридического факультета и будущего профессора Петербургского университета.

Судьба этого незаурядного человека была трагической, а вместе с ним оказалась трагической и судьба очень важной части фетовского архива. Отличавшийся крайними взглядами (достаточно сказать, что с 1905 года он был в руководстве Союза русского народа¹⁰), Б. В. Никольский был расстрелян в Петрограде в июне 1919 года по постановлению Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией.¹¹ Его большой архив почти полностью пропал, а ценнейшая библиотека (Никольский был страстным библиофилом) была распределена по разным учреждениям (основная часть попала в Российскую государственную библиотеку).¹²

⁸ В письме к К. Р. 10 января 1893 г. она писала: «Покойный муж мой, думая издать полное собрание своих стихотворений, нынешним летом занимался разбором старых своих изданий, делая поправки, кое-что зачеркивал, и таким образом весь материал к этому изданию готов» (*ИРЛИ*. Ф. 137. № 76. Л. 309 об.–310).

⁹ *Бухштаб. Обзор*. С. 579–586.

¹⁰ *Иванова Е. В., Шумихин С. В.* Б. В. Никольский // *Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь*. М., 1999. Т. 4. С. 322.

¹¹ Там же. С. 323.

¹² Там же.

Страхов успел познакомить Никольского с Фетом «незадолго до его смерти, получив для разборки и издания часть архива».¹³ Можно предположить, что он привлек молодого студента и к подготовке первого посмертного собрания стихотворений. Мог передать ему Страхов и подготовительные материалы для научного издания поэтического наследия Фета. Как бы то ни было, во время подготовки «Полного собрания стихотворений А. А. Фета», вышедшего в Петербурге в 1901 году в 3-х томах, Никольский располагал всеми необходимыми материалами из личного архива поэта, которые остались у него и после выхода издания в свет.¹⁴ Учитывая, что в «наблюдении» за этим изданием, как значилось в предисловии редактора, «соблаговолил по-прежнему принять участие Великий Князь Константин Константинович»,¹⁵ Никольский действительно выступил продолжателем дела Н. Н. Страхова. Правда, в редакторском заявлении несколько удивляет утверждение, что участие К. Р. отвечает «предсмертному желанию самого покойного». Переписка М. П. Шеншиной с К. Р. дает основание говорить лишь о возможном желании ее покойного мужа. Вряд ли подобное мог утверждать и сам августейший покровитель издания. К слову сказать, Никольский был назначен воспитателем к детям великого князя Константина Константиновича Олегу и Гавриилу, скорее всего, не вследствие его ставшей широко известной «Всеподаннейшей речи 31 декабря 1905 г.», призывавшей царя сокрушить революционную крамолу,¹⁶ а вследствие личного знакомства с К. Р. через Страхова. Не исключено, что именно о нем писал Страхов К. Р. 29 апреля 1894 года: «Вчера один даровитый юноша читал мне прекрасную оценку Фета. Он приготовил эту статью

¹³ *Иванова Е. В., Шумихин С. В.* Б. В. Никольский. С. 322.

¹⁴ Чрезвычайно ценные сведения на этот счет сохранились в «Записках» Б. Садовского, которому удалось ознакомиться с рукописными тетрадами фетовских автографов и даже впоследствии дать их описание в книге «Ледоход» (*Садовской Б. А.* Ледоход: Статьи и заметки. Пг., 1916), ставшей ценнейшим источником для издателей Фета и не утратившей своего значения до сих пор. Особенно важно, что Садовской очень тщательно отнесся именно к текстологии фетовских текстов. «Никольский владел рукописями Фета и разрешил мне заняться ими. В библиотеке он поставил для меня особый столик, приготовил бумагу, карандаши и выдал фетовские тетради. Ходил я заниматься недели две. В кабинете рядом сидел хозяин за грудой бумаг» (*Садовской Б.* Записки / Публ. С. В. Шумихина // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1991. Вып. 1. С. 174).

¹⁵ *ПССМ 1901.* Т. 1. С. IV.

¹⁶ *Иванова Е. В., Шумихин С. В.* Б. В. Никольский. С. 322.

на случай выхода книги и поместит ее в „Новом времени“, о чем уже уговорился с Суворинным». ¹⁷

Никольский чтит память Страхова ¹⁸ и во многом следовал по его стопам в подготовке издания. Однако того издания, о котором мечтал его учитель, он все же не выпустил. ¹⁹ Можно даже сказать, что, пойдя по следам издания Страхова, Никольский усугубил некоторые его ошибки, а кое в чем довел их до крайности. Если Страхов позволил себе перекomпоновку намеченных Фетом разделов, но в целом придерживался исторически сложившихся названий, то Никольский почти полностью разрушил композицию планируемого Фетом издания. При этом действовал он вполне сознательно и целенаправленно.

Считая, что Фет «был до крайности непоследователен» в отношении группировки своих произведений («ему нравился пестрый беспорядок цветущего луга и, сохраняя кое-где запущенные клумбы подобранных пьес, он предоставлял расти другим цветам своего творчества, как их Господь Бог посеял»), Никольский резко отверг циклизацию Ап. Григорьева, которого хотя называл «составителем очень искусным, глубокомысленным и оригинальным», но в то же время считал «крайне причудливым» и вредным с точки зрения влияния, оказанного им на Фета. ²⁰ Начав со своеобразно распределенных по 11-ти разделам «Вечерних огней», редактор добавил «недостающие»: «Античный мир и антологические стихотворения», «Природа», «Звезды», «Грезы», «Сны», «Сердце», «Детский мир», «Оды», «Сонеты», «Мадригалы», «Шутки» и др. Столь же причудливо отнесся он и к другой очень важной текстологической проблеме — проблеме фетовской интерпункции.

«В отношении правописания, — признавался Никольский, — трудностей не встречалось». С его точки зрения, «Фет отличался совершенно поэтическим к нему равнодушием и даже букву „Ъ“ ставил нередко более по настроению, чем по каким-либо грамматическим правилам, —

¹⁷ К. Р. Переписка. С. 435. В комментариях к письму указано, что речь идет о статье «Из лириков лирик», напечатанной в *НВр* (1894. 18 (30) мая. № 6543. С. 2) за подписью «Б. Б.» (Там же. С. 436). За этим криптонимом вполне мог скрываться Б. В. Никольский.

¹⁸ Он был автором первого биографического очерка о Страхове, напечатанного в «Историческом вестнике» (1896. № 4) и отдельным изданием (СПб., 1896).

¹⁹ В предисловии «От редактора» он, правда, писал о том, что вопрос «о критическом издании полного собрания сочинений Фета остается открытым на неопределенное время», а предлагаемое издание представляет по-прежнему «общедоступное собрание его поэтических произведений» (*ИССМ 1901*. Т. 1. С. V).

²⁰ Там же. С. XII.

даже на той же странице различно. За последние годы жизни он преимущественно диктовал свои стихотворения, так что доверялся правописанию тех, кто писал под его диктовку. Правописание в печати всецело зависело от редакторов и корректоров. Словом, о „фетовском правописании“ не может быть и речи и приходится держаться общепринятого». ²¹ При всей спорности высказанного тезиса следует многое признать справедливым. Сохранившиеся автографы (а их немало) свидетельствуют о том, что все же в большинстве случаев мы имеем дело с подлинным фетовским написанием. Другое дело, как к этому относиться и что делать, если в одной части стихотворений мы будем выправлять их по автографам, а в другой (там, где автографы не сохранились) оставлять «общепринятое» правописание.

«Чуть ли не единственной орфографической особенностью» Фета Никольский признал рифмовку «дальный, дальная, дальное», а не «дальный, дальняя, дальнее». «Это была, — писал Никольский, — особенность его южного выговора, наряду с мягким произношением „г“, позволявшим ему рифмовать *пух* и *друж*». ²² Само собой разумеется, что опечатки, встречавшиеся в опубликованных текстах, устранялись Никольским по рукописям. Но в своем предисловии редактор умолчал о правке, которую он вносил в стихотворные тексты. Как установил Б. Я. Бухштаб, такой правки было довольно много. Никольский, например, устранял «вульгаризмы» Фета («нынче», «коли», «врозь»), некоторые чисто фетовские выражения казались ему слишком «вычурными» (он заменял «учуял» на «почуял», «расслушать» на «расслышать», «дохновение» на «дуновение», «ветье» на «ветвье» и т. п.). ²³

Труднейшей задачей издания стихотворений Фета Никольский признал «расстановку знаков препинания», поскольку, с его точки зрения, «к ним Фет был еще несравненно равнодушнее, чем к правописанию, и признавал в сущности только точку, запятую и изредка восклицательный и вопросительный знаки, лишь в виде исключения допуская тире или многоточие. Любимым его знаком была точка, которую он ставил даже иногда там, где не только точки, но и никакого знака не было нужно». ²⁴ Против этого утверждения трудно что-либо возразить по существу. Действительно, сдержанность фетовской интерпункции поражает всякого, кто заглянул в автографы его стихотворений. Но здесь-то и ле-

²¹ ПССМ 1901. Т. 1. С. XXIII.

²² Там же.

²³ Бухштаб. Обзор. С. 588.

²⁴ ПССМ 1901. Т. 1. С. XXIV.

жит одна из самых сложных проблем издания поэтического наследия Фета.

Перед этой проблемой оказался позднее и Б. Я. Бухштаб, попытавшийся сохранить в издании 1937 года не только фетовское написание, но и пунктуацию. В дальнейшем он вынужден был отказаться от этого принципа, возможно, под давлением издательских редакторов более поздних изданий «Библиотеки поэта», которые, конечно, требовали «правильной» расстановки знаков препинания. Заявить об этом печатно, то есть под бдительным оком редактора, исследователь, разумеется, не мог. Однако некоторые его высказывания, прозвучавшие в статье-обзоре «Судьба поэтического наследия А. А. Фета», позволяют с уверенностью предположить, что он прекрасно понимал проблему.

«Пунктуирование стихотворений Фета — не простая задача. Корректур своих изданий (во всяком случае до „Вечерних огней“) Фет не держал, знаки расставлялись редакторами и корректорами, но и там, где есть автографы, сохранять их пунктуацию нельзя. Фет был крайне скуп на знаки препинания; есть стихотворения сложнейшей синтаксической конструкции почти без единого знака. Все же при сличении автографов с изданиями Страхова и Никольского ясно, что оба часто стремились не к прояснению синтаксических конструкций Фета, а к их переделке».²⁵ Приведя многочисленные примеры таких переделок в издании Никольского, исследователь справедливо заключал: «Что говорить о своеобразных синтаксических ходах Фета, о его смелых неправильностях, часто неопределенных, скользких из вопросительной в повествовательную, — все это прикручено к школьной грамматике скобками, тире, вопросительными и восклицательными знаками, многоточиями. Особенно много многоточий. Ими Никольский как бы извиняется за недостаток логической последовательности, за „бессвязность“ Фета. У Фета в конце строфы почти всегда точка, но Никольский не может допустить, чтобы сочинительные или противительные союзы — **и**, **а**, **но** — начинали фразу, и вяжет все стихотворение в какой-то сплошной разговор, кстати, нередко со вступительными тире и кавычками; здесь, мол, говорит автор, а здесь ему отвечают сны и тени. <...> Очень любит еще Б. Никольский двоеточия: одно положение вытекает из другого, стихотворение приобретает вид теоремы».²⁶

При всем том, невзирая на справедливую и жесткую критику текстологических принципов Страхова и Никольского, Бухштаб, как это ни

²⁵ Бухштаб. Обзор. С. 588–589.

²⁶ Там же. С. 591.

странно, нередко заимствовал у них пунктуацию и на протяжении всех изданий «Библиотеки поэта» придерживался избранной методы. Приведем некоторые из многочисленных примеров. В стихотворении «Смерти» («Я в жизни обмирал и чувство это знаю...») (1884) в стихе 4 в первом посмертном издании 1894 года (С. 70) появился восклицательный знак, хотя ни в первой публикации, ни в автографе его нет:

Вот почему я вас без страха ожидаю
Ночь безрассветная и вечная постель.

Б. В. Никольский, помимо изобретенного Страховым восклицательного знака, добавил несколько тире, многоточие и т. д., откровенно меняя смысл поэтического высказывания. В подобном произволе Б. Я. Бухштаба, разумеется, упрекнуть нельзя, однако нельзя не признать, что и избыточный восклицательный знак добавил совершенно постороннюю мысли Фета экспрессивность. Философский взгляд на проблему смерти заменило радостное приветствие или вызов.

В стихотворении «Теперь» («Мой прах уснет забытый и холодный...») в издании 1937 года появилось два восклицательных знака — в стихах 4 и 12. Их нет ни в автографах, ни в первой публикации, ни в посмертной публикации Страхова и К. Р. Зато они есть у Б. Никольского и отсюда перекочевали во все издания «Библиотеки поэта». То же можно сказать о стихотворении «С гнезд замахали крикливые цапли...», впервые опубликованном во втором выпуске «Вечерних огней», где вместо запятой и точки в заключительных строках, появилось вдруг два вопросительных знака. Правда, в данном случае они были выставлены впервые Страховым и затем воспроизведены Никольским. У Фета:

Или весна выручает свое,
Или и солнышко всходит мое.²⁷

У Бухштаба:

Или весна выручает свое?
Или и солнышко всходит мое?²⁸

Впервые после первой публикации пунктуация была восстановлена лишь в отдельном издании «Вечерних огней» 1971 года, подготовленном Д. Д. Благим и М. А. Соколовой.

²⁷ *ВО* 2. С. 10.

²⁸ *ПССм* 1937. С. 64; *ПССм* 1959. С. 144; *Суп* 1986. С. 125.

Приведем один пример редакторского «произвола», который таким можно назвать условно, имея в виду, что каждый редактор все же имел свои эдичионные принципы и им следовал. Иное дело, что эти принципы были обусловлены как индивидуальными чертами редактора, так и условиями времени.

Еще при жизни Фета Страхов пытался вмешаться не только в поэтику фетовского поэтического дискурса (правда, в основном безуспешно), но и в синтаксический строй стихотворений. При этом иногда ему даже удавалось убедить поэта в необходимости иной расстановки знаков препинания, как это произошло со стихотворением «А. Л. Б—ой» («Далекий друг, пойми мои рыдания...»). Сопоставление автографов и печатных вариантов, а также сохранившаяся переписка по поводу стихотворения дают возможность представить как характер редактуры Страхова, так и реакцию на нее поэта.

Впервые стихотворение было опубликовано в двухнедельном журнале «Огонек» за 1879 год (Т. 1. № 8. С. 163), куда было передано Страховым, получившим его накануне. В первой публикации сохранился ранний вариант стиха 1, за который критик впоследствии извинялся, думая, что допустил ошибку. На самом деле, в автографе, посланном Фетом в письме от 28 января 1879 года, первоначально в стихе 1 было *прими*, исправленное на *пойми*. Возможно, этот вариант показался Страхову более удачным. Стихи 17–20 читались следующим образом:

Не жизни жаль, с томительным дыханьем
Что жизнь и смерть!? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем
И в ночь идет — и плачет уходя.²⁹

«Сегодня утром, по получении вашего и заграничного (это было письмо от А. Л. Бржеской. — Н. Г.) письма, написал стихотворение, котор<ое> прилагаю на цензуру».³⁰ «Цензура» оказалась довольно строгой. В стихе 6 был проставлен вопросительный знак вместо точки, в стихе 10 вместо точки стоят запятая и тире, в стихе 14 точка заменена на точку с запятой, в стихе 15 точка заменена на запятую и тире, в стихе 16 добавлено тире после восклицательного знака. Стихи 17–20 приобрели следующий вид:

Не жизни жаль! С томительным дыханьем
Что жизнь и смерть!? А жаль того огня,

²⁹ РГБ. Ф. 315. К. 4. № 25. Л. 14 об.

³⁰ Там же. Л. 14.

Что просиял над целым мирозданьем
И в ночь идет — и плачет уходя.³¹

Страхов ответил на присылку стихотворения 24 февраля: «Ваше последнее стихотворение — какая прелесть!

Кто скажет нам?..
.....
И в ночь идет, и плачет, уходя.

Как это тепло и трогательно! Один знакомый нашел только, что *огонь* не может *плакать*. Тонкое замечание! Посмотрите пунктуацию Ваших стихотворений: я ее делал — хорошо ли?». ³² Как показывает автограф, вписанный над словом «плакать» вариант «гаснет», очевидно, был подобран самим Страховым, не решившимся предложить его поэту от своего имени. «Одному знакомому» Фет решительно возразил в письме от 3 марта 1879 года: «Не говорят ли — солнце на закате *плачет*. А что оно, как не огонь». ³³

Получив номер «Огонька» с напечатанным стихотворением, 23 марта Фет откликнулся на внесенные Страховым пунктуационные поправки: «„Огонек“ получаю <...> а Вашу интерпункцию „с болезненным дыханьем, что жизнь и смерть?“ нахожу гениальной, а потому правильной. Вам надо издавать поэтов. Это младенцы <...>». ³⁴ После подобной оценки Страхов мог с полной уверенностью в своем праве продолжать вносить «исправления» в фетовскую пунктуацию, что он и делал. Однако самым удивительным в этой истории следует признать факт, что при публикации стихотворения в первом выпуске «Вечерних огней» Фет отказался от страховской правки и вернулся к первоначальному варианту, убрав лишние восклицательные знаки, запятые и тире.

Стихи 17–20 приобрели окончательный вид:

Не жизни жаль с томительным дыханьем,
Что жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем,
И в ночь идет, и плачет уходя.

Справедливости ради следует сказать, что Фет до конца колебался в расстановке знаков препинания в этом стихотворении. Сличение авто-

³¹ Огонек. 1879. Т. 1. № 8. С. 163.

³² РГБ. Ф. 315. К. 11. № 27. Л. 18 об.

³³ Там же. К. 4. № 25. Л. 17 об.

³⁴ Там же. Л. 19.

графов, сохранившихся в письмах к Л. Н. Толстому, к С. В. Энгельгардт (по копии), цитаты из письма А. Л. Бржеской к Фету, а также автограф в *T 2* свидетельствуют о разночтениях в пунктуации.

Остается добавить, что и Страхов не прекратил «дорабатывать» стихотворение после его последней прижизненной публикации. Во втором томе «Лирических стихотворений» в нем появилось четыре лишних восклицательных знака (ст. 1, 2, 17 и 18, где восклицательный знак появился вместо вопросительного), не говоря о двух лишних тире и отсутствующего у Фета многоточия в стихе 15. Несмотря на то, что Страхов владел автографом стихотворения в письме к нему Фета и, справившись, легко определил бы точную дату написания стихотворения, в посмертном издании появляется неожиданная дата: 1883, очевидно, по году выхода в свет первого выпуска «Вечерних огней». Но все же Страхов отказался от своей «гениальной интерпункции», хотя и заменил ее новой. Заключительное четверостишие приобрело в его окончательной редакции следующий вид:

Не жизни жаль с томительным дыханьем!
Что́ — жизнь и смерть! А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем,
И в ночь идет, и плачет уходя.³⁵

В издании Страхова заглавие стихотворения было напечатано в раскрытом виде: «Александре Львовне Бржеской» (фамилия на самом деле писалась с одним «с»). Этот еще один важный текстологический вопрос, который обсуждался между Страховым и К. Р., по-своему был решен Никольским и последующими издателями.

Как же поступил Б. В. Никольский в новом издании 1901 года? С одной стороны, он уточнил датировку, исправив ошибку Страхова. Под стихотворением проставлена та же дата, что в *T 2*: 28 января 1879. Это лишний раз свидетельствует о том, что Никольский обращался к автографам. Однако в заглавии имя и отчество оказались сокращены до инициалов: «А. Л. Бржеской». Этот принцип будет позаимствован у Никольского и Б. Я. Бухштабом. Лишь в издании «Вечерних огней» 1971 (и 1979) года будет восстановлено последнее прижизненное заглавие. Разумеется, сказанное касается не только этого стихотворения, но вообще принципа подачи материала.

Но Никольский не был бы Никольским, если бы не внес свой «вклад» в посмертное редактирование стихотворений Фета. Нелюбезные его

³⁵ Фет А. Лирические стихотворения. Т. 2. С. 258.

А. Л. БРЖЕССКОЙ.

Далекий другъ, пойми мои рыдания,
Ты мнѣ прости болѣзненный мой крикъ:
Съ тобой цвѣтуть въ душѣ воспоминанья
И дорожить тобой я не отвыкъ!

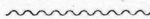
Кто скажетъ намъ, что жить мы не умѣли,
Бездушные и праздные умы,
Что въ насъ добро и нѣжность не горѣли
И красотѣ не жертвовали мы?

—Гдѣ жъ это все? Еще душа пылаетъ,—
Попрежнему готова мѣръ обнять,—
Напрасный жаръ,—никто не отвѣчаетъ!..
Воскреснутъ звуки—и замрутъ опять!..

Лишь ты одна! Высокое волненье
Издалека мнѣ голосъ твой пришесть:
Въ ланитахъ кровь и въ сердцахъ вдохновенье...
Прочь этотъ сонъ,—въ немъ слишкомъ много слезы!

Не жизни жаль съ томительнымъ дыханьемъ,—
Что жизнь, и смерть!..—А жаль того огня,
Что просіялъ надъ цѣлымъ мірозданьемъ,—
И въ ночь идетъ!.. И плачетъ, уходя!..

28 янв. 1879.

поэтической душе (а Никольский, как и Страхов, пробовал силы на поэтическом поприще) скупые точки Фета он заменяет двоеточием (стих 2), восклицательный знак появляется вместо точки в конце стиха 4, риторический вопрос в третьей строфе (Где ж это все? Еще душа пылает, / По-прежнему готова мир объять. / Напрасный жар. Никто не отвечает; / Воскреснут звуки, и замрут опять.) оформляется под редакторским пером Никольского по всем правилам грамматики в настоящий диалог:

— Где ж это все? Еще душа пылает, —
По-прежнему готова мир объять, —
Напрасный жар, — никто не отвечает!..
Воскреснут звуки — и замрут опять...³⁶

А заключительная строфа с двумя радостными восклицательными знаками в последней строке оказалась в издании Никольского почти неузнаваемой:

Не жизни жаль с томительным дыханьем, —
Что жизнь, и смерть!.. — А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем, —
И в ночь идет!.. И плачет, уходя!..

Эти и подобные вольности в обращении с оригинальными текстами (примеров можно приводить множество!) вполне объясняются установками редактора, которые он откровенно изложил в предисловии: «...будучи, после расстановки знаков препинания, простейшим наглядным комментарием, группировка стихотворений по содержанию всецело зависит от того или другого понимания поэта. Последнее всегда индивидуально и пререкаемо».³⁷

Свое беспрецедентное вмешательство в авторскую интерпункцию Фета Никольский пояснил следующим образом: «...от чудовищной расстановки знаков его стихотворения пострадали больше, чем от самых предательских опечаток. Многие стихотворения положительно сделались бессмысленными, другие лишь с величайшим трудом поддавались пониманию, не говоря уж об отдельных строфах, строках и эпитетах. Ведь знаки препинания — простейший комментарий к тексту, а в особенности к тексту поэтическому, да еще такого причудливого и своеобразного поэта, как Фет. Таким образом, для настоящего издания пришлось буквально почти все знаки препинания переменить, переместить

³⁶ ПССМ 1901. Т. 1. С. 158.

³⁷ Там же. С. XI.

и дополнить — с совершенно сознательной целью: впервые восстановить истинного Фета из-под засыпавшего его пепла неуместных точек, запятых и многоточий». ³⁸ Трудно, кажется, более откровенно выразить то, что сделал Никольский с текстами Фета. Оказалось, что при этом редактор считал, что «примирил два начала»: сохранил «характер фетовского слога» и «оттенил» «знаками не отдельные мысли, а внутреннюю связь целого в каждом отдельном стихотворении, помогая читателю уловить объединяющую художественную концепцию в отрывочных образах и по внешности бессвязных мыслях». ³⁹ Сказанное, кажется, не нуждается в комментариях.

Таким образом, возникшее на первых же заседаниях редколлегии нового издания Фета предложение расположить основной корпус стихотворений и поэм, так сказать, в историческом порядке, то есть по сборникам ставило еще ряд вопросов. Если существуют ранние и поздние редакции, то следует ли их публиковать в соответствующих сборниках и таким образом повторять тексты или давать их параллельно, в составе того сборника, где стихотворение было опубликовано впервые. В конце концов остановились на том, что тексты ранних и поздних редакций следует давать параллельно. Таким образом читатель сразу мог увидеть, как изменился текст и, если он был существенно изменен, сравнить редакции. С другой стороны, читателю было хорошо видно, в каком виде он появился в том или ином сборнике.

При публикации следующего сборника (а у Фета, как правило, предыдущий сборник входил в последующий с добавлением новых стихотворений) решено было только отмечать название стихотворения с указанием страницы, на которой можно его найти. Предложенный вариант подачи текстов давал еще одно преимущество: можно было сразу увидеть, какое число новых стихотворений вошло в новый сборник.

Разумеется, первый том стихотворений, которым начиналось издание Собрания сочинений и писем, должен был открываться первым поэтическим сборником Фета «Лирический Пантеон» (1840), к которому он впоследствии практически не возвращался. В изданиях «Библиотеки поэта» он был помещен отдельно, после так называемого «основного собрания», перед разделом стихотворений, не вошедших в него, поскольку в список 1892 года Фет этот свой литературный дебют не включил.

Расположение по сборникам давало также возможность наглядно увидеть то, как изменялись стихотворения из сборника 1850 года под

³⁸ Там же. С. XXIV–XXV.

³⁹ Там же. С. XXV.

влиянием критики И. С. Тургенева, и таким образом не делать выбора, как это пришлось сделать Б. Я. Бухштабу, между ранней и поздней редакциями. Справедливости ради следует сказать, что, поместив в издании 1937 года часть ранних редакций стихотворений, которые позже (фактически до конца жизни) воспроизводились Фетом именно в «тургеневской редакции» (выражение, не вполне точно отражающее реальное положение), Б. Я. Бухштаб, вообще ориентировавшийся на «последнюю волю» поэта, впоследствии признал, что выбрал не самый удачный вариант решения «тургеневской» проблемы и вернулся к редакциям сборника 1856 года. Уже в издании 1959 года читаем: «В настоящем издании мы отказались от такого подхода, так как он не обеспечивает вполне объективных результатов. Поправки, ухудшающие стихотворение с точки зрения мелодики стиха, могут улучшать его со стороны образности и т. п.: в выборе неизбежно скажется вкус редактора. Что касается авторской воли, надо учесть, что Фет после издания 1856 г. напечатал свои ранние стихотворения еще раз — в издании 1863 г. Кое-какие возвращения к изданию 1850 г. здесь есть, но минимальные: восстановлены две исключенные Тургеневым строфы и одно забракованное им стихотворение. Фет явно не собирался возвращаться к отвергнутым Тургеневым редакциям стихотворений».⁴⁰ Этот принцип был положен в основу и в последнем издании «Библиотеки поэта», вышедшем в свет в 1986 году, уже после смерти ученого. К сказанному следует добавить, что в список 1892 года было включено 14 стихотворений из сборника 1850 года, отвергнутых в свое время Тургеневым.

Возобновленный в последние годы В. А. Кошелевым вопрос о «тургеневской правке»⁴¹ получил неожиданное продолжение в статье М. Л. Гаспарова «Лирические концовки Фета, или как Тургенев учил Фета одному, а научил другому».⁴² Выступление В. А. Кошелева было мотивировано как раз готовящимся новым изданием собрания сочинений и писем Фета и желанием восстановить подлинную историю фетовских текстов. Размышления М. Л. Гаспарова были первоначально вызваны чисто стиховедческими интересами.⁴³

⁴⁰ ПССм 1959. С. 712.

⁴¹ Кошелев В. О «тургеневской» правке поэтических текстов Афанасия Фета // Новое литературное обозрение. 2001. № 48. С. 157–191.

⁴² Там же. 2002. № 4. С. 96–113.

⁴³ Исследователь пришел к парадоксальному выводу, что «тургеневская правка почти всюду имела <...> противоположный намерениям Тургенева результат. Стихи сплошь и рядом приобретали не парнасскую законченность, а многозначную

Еще в издании 1937 года Б. Я. Бухштаб писал: «...в тексты Фета вложило свой труд большое число русских критиков, поэтов и беллетристов, и, если мы теперь поставим вопрос не только технически — возможно ли, но и принципиально — нужно ли, счищая все их „наслоения“, стремиться дать „первобытного“ Фета, — на этот вопрос надо ответить отрицательно. Поэтическая судьба Фета — исправлять свои произведения по указаниям „пестунов“ — настолько постоянна на протяжении всего его творческого пути, что причиной ее может быть только своеобразная потребность его творческой личности. Фет не доверял себе критической оценки своих произведений, ему были необходимы сторонние указания <...>».⁴⁴

Надо признать, что похожего феномена столь ярко выраженного «коллективного» творчества, пожалуй, не отыскать в истории мировой поэзии, хотя в той или иной степени многие выдающиеся писатели пользовались советами друзей и нередко изменяли тексты своих произведений под влиянием литературных советчиков. Не надо далеко ходить за примерами. Сам Тургенев, которому более других редакторов Фета «досталось» за вмешательство в художественную ткань его стихов,⁴⁵ внимательно прислушивался к советам друзей и часто существенно менял смысл и форму своих произведений. Достаточно ознакомиться с его перепиской с ближайшим другом П. В. Анненковым, чтобы убедиться в том, что многие его произведения несут на себе следы «постороннего вмешательства».⁴⁶

Имея в руках так называемый «остроуховский экземпляр» сборника Фета 1850 года с пометами Тургенева и вариантами, предложенными поэтом при доработке,⁴⁷ Б. Я. Бухштаб сосредоточился на выявлении

оборванность, как бы показывая автору возможности суггестивной романтической недоговоренности» (Там же. С. 112).

⁴⁴ ПССМ 1937. С. 677.

⁴⁵ Уже первые исследователи проблемы тургеневского редактирования стихотворений Фета пришли к безусловному заключению, что это вмешательство нанесло значительный ущерб фетовской поэтике, зафиксированный в сборнике 1856 г. См.: *Никольский Ю. А.* Материалы по Фету. I. Исправление Тургеневым фетовских «Стихотворений» 1850 г. // *Русская мысль.* 1921. Кн. 8–9. С. 211–227; Кн. 10–12. С. 248–262; *Благой Д. Д.* Из прошлого русской литературы. Тургенев — редактор Фета // *Печать и революция.* 1923. Кн. 3. С. 45–64; *Колтакова Н. П.* Из истории Фетовского текста // *Поэтика.* Л., 1927. Вып. 3. С. 168–187.

⁴⁶ См.: *Анненков П. В.* Письма к И. С. Тургеневу: В 2 кн. / Изд. подготовили Н. Н. Мостовская, Н. Г. Жекулин. СПб., 2005 (Лит. памятники).

⁴⁷ Этот экземпляр сборника, как писал Б. Я. Бухштаб, «найденный после смерти Фета в его библиотеке, принадлежащий родственнику Фета И. С. Остроухову, в на-

тургеневской правки. Но, как он сам признался, собственно правки как раз и не было. Были предложения, выраженные подчас в грубовато-шутливой форме («К черту философия!», «святость звездолубивых дум — к черту!» и т. п.), были зачеркнутые концевочные строфы, было настойчивое желание очистить стихи Фета от архаизмов и романтического элемента — это правда, но непосредственного вмешательства в фетовский текст все же не было.

Для теоретика интересно разобраться в причинах подобного феномена, для историка литературы — отметить сами факты, для текстолога — решить вопрос: какой текст следует признать наиболее адекватным авторскому замыслу. Очищаем же мы тексты от безжалостного и подчас грубого вмешательства цензуры, почему бы не попытаться «очистить» их и от дружеского вмешательства. И хотя такое «очищение» Б. Я. Бухштаб признавал неосуществимым, он, вопреки собственной установке, именно такую задачу поставил в свое время перед собой, назвав проблему «тургеневских исправлений» основной текстологической проблемой, «выдвигаемой изучением прижизненных изданий Фета».⁴⁸

Этой проблеме Б. Я. Бухштаб посвятил и значительную часть своего «Обзора» (более трети статьи) и в дальнейшем, как уже сказано, осуществил выдвинутые им тезисы на практике. Положив в основу «принцип последнего прижизненного текста», Б. Я. Бухштаб решил «отступать от этого принципа в тех случаях, когда последние редакции либо заведомо не принадлежат Фету — как редакции с исключенными Тургеневым строфами, либо хотя и даны самим Фетом, но разрушают композицию, тематику, фонетический, ритмический, лексический или семантический строй стихотворения».⁴⁹

Таким образом, в издании 1937 года значительная часть ранних стихотворений была напечатана в ранних редакциях, причем само понятие ранней редакции ограничивалось сборником 1850 года и журнальными

стоящее время хранится в архиве Гос. Третьяковской галереи. Приступая к редактированию Фета, Тургенев зачеркнул в этом экземпляре те стихотворения и строфы, которые считал недостойными включения в новое издание (сборник 1856 года. — *Н. Г.*), и подчеркнул те слова и стихи, которые Фет должен был заменить новыми. Фет тут же на полях дал варианты, иногда по несколько вариантов — очевидно, на выбор редактора. Часть этих вариантов была принята Тургеневым и вошла в Сб. 2, часть была отвергнута, и потребовались новые варианты, — но дальнейшие стадии работы уже не отражены в Остр. экз.» (*ПССм 1937. С. 672*).

⁴⁸ *Бухштаб. Обзор. С. 564.*

⁴⁹ *ПССм 1937. С. 677.*

редакциями до 1856 года. Следует особо подчеркнуть, что в это понятие не входили ранние редакции, оставшиеся в автографах, что было особо оговорено Б. Я. Бухштабом.

«Однако, — писал исследователь, — можно спросить, не следует ли идти дальше и при расхождении автографов с текстами журналов печатать по автографам в тех случаях, когда журнал дает чтение, стирающее фетовские особенности. Такие случаи есть, — однако возвращаться к автографу нет возможности, так как автографы эти обычно не с одним исправлением, а с рядом последовательных исправлений, не дающих возможности установить какую-то определенную редакцию. Кроме того, если можно быть уверенным в том, что Фет по своей инициативе не переправлял стихотворений, уже напечатанных, — о стихах, только переписанных в тетрадь, этого утверждать нельзя».⁵⁰ В этом рассуждении содержится несколько уязвимых мест.

Во-первых, весьма уязвимым представляется тезис о «чтениях, стирающих фетовские особенности». Что под этим имеется в виду? Постороннее вмешательство или авторская правка? Если первое, то как это доказать? В ряде случаев действительно Фет правил тексты под влиянием замечаний тех или иных лиц. Такие случаи подтверждаются сохранившимися письмами. Но при этом очень важно учитывать, что поэт *всегда* вносил правку сам, не принимая вариантов, которые ему предлагали компетентные читатели (как, например, Страхов или Полонский). Тогда ответственность за «стирание фетовских особенностей» ложится целиком на самого Фета и разговор об этой стадии доработки стихотворных текстов приобретает неуместный для научного подхода вкусовой оттенок.

Во-вторых, «ряд последовательных исправлений», содержащихся в автографе, если иногда и не дает возможности «установить какую-то определенную редакцию» (а часто и дает, позволяя выявить слои правки по цвету чернил, степени их сохранности или возрасту, использованию карандаша, даже почерку, менявшемуся со временем), то в любом случае является подлинной авторской правкой, представляющей если не редакцию, то вариант, нередко открывающий новый взгляд на тот или иной поэтический образ. Этот вариант, несомненно, должен быть зафиксирован либо в разделе «Другие редакции или варианты», либо в текстологической части комментария, как это делается в выходящем ныне Собрании сочинений и писем Фета в 20 томах.

⁵⁰ Там же. С. 678.

Наконец, в приведенном рассуждении высказывается мысль, что Фет «по своей инициативе не переправлял стихотворений, уже напечатанных», внося правку лишь в тексты, переписанные в тетрадь. Надо признать, что это заявление не выдерживает критики. Нет никаких оснований считать, что Фет самостоятельно не дорабатывал уже напечатанные тексты. Об этом свидетельствует предпринятая фронтальная сверка всех печатных вариантов с автографами. Нередко правка делалась непосредственно во время написания стихотворения, то есть без какого-либо «постороннего вмешательства».

Правда, в примечании к сказанному Б. Я. Бухштаб пишет: «Впрочем, несколько стихотворений Сб. 1 (то есть сборника 1850 года. — *Н. Г.*) переправлено позже — в 1887 г. для ВО 3, под непосредственным руководством Страхова, подготавливавшего книгу. Из этих стихотворений, переделанных через сорок лет после написания, мы также печатаем два в ранних редакциях <...>».⁵¹

«Непосредственное руководство Страхова» также представляется тезисом не вполне корректным. Как бы глубоко Фет ни уважал мнение Страхова как тонкого критика и внимательного читателя, он хорошо представлял себе пределы его компетенции. Нет ни одного случая (во всяком случае в пределах известной переписки Страхова и Фета), когда поэт воспользовался конкретным практическим советом своего «пестуна». Сомнения и замечания Страхова были лишь толчком к авторской доработке стихотворения. То же было и с другими «советчиками» — Л. Н. Толстым, Вл. С. Соловьевым, Ф. Е. Коршем, вдовой А. К. Толстой С. А. Толстой, чьему вкусу Фет безусловно доверял.

Желание исследователя «дать, наконец, читателю полноценные фетовские тексты»⁵² более чем понятно. Однако, встав на путь восстановления «подлинных» текстов Фета, Б. Я. Бухштаб не мог не столкнуться с целым рядом проблем, решение которых оказалось в сущности невыполнимым. И первой из них была проблема так называемой «последней авторской воли», принятой в текстологии в качестве основополагающего принципа.

Тем не менее, если и критиковать издания, подготовленные Б. Я. Бухштабом, то прежде следует сказать о заслугах ученого-текстолога. Главная состояла прежде всего в том, что он впервые подготовил действительно научное издание стихотворного наследия Фета, воссоздав, хотя и в кратком виде, историю первых публикаций, привлекая в коммента-

⁵¹ Бухштаб. *Обзор*. С. 678

⁵² Там же. С. 679.

рии большое число эпистолярных и иных источников, и, что особенно важно, в том, что он впервые дал свод разночтений и редакций, проделав огромную текстологическую работу.⁵³

В вышедших томах Собрания сочинений и писем Фета многое пересматривается по сравнению с изданиями «Библиотеки поэта». Прежде всего, конечно, объем поэтического наследия Фета, куда, помимо собственно «лирических стихотворений», включаются все переводы, составляющие несколько полноценных томов. Второй том Собрания сочинений и писем полностью посвящен переводам 1839–1863 годов.⁵⁴

Первый том, естественно, посвящен лирическим сборникам Фета и включает раздел «Произведения, не вошедшие в сборники», а также разделы «Поэмы», «Либретто» и «Коллективное».⁵⁵ При этом раздел стихотворений, не вошедших в прижизненные сборники, построен по хронологическому принципу.

Все тексты сверены по автографам и первым публикациям, разночтения зафиксированы в текстологической части комментариев. В отличие от предыдущих изданий раздел «Другие редакции и варианты» отсутствует, поскольку основные редакции даются прямо в тексте параллельно, о чем говорилось выше. Этот принцип распространяется и на переводы, в отношении которых текстологическая работа была проделана в предыдущих изданиях в минимальном виде. Это же можно сказать о так называемых «стихотворениях на случай», пренебрежитель-

⁵³ Трудно согласиться с мнением, что «рукописное наследие Фета» следует отнести к области вопросов «малой изученности», которое высказала покойная Ю. П. Благоволина в предисловии к подготовленной ею переписке Фета с В. П. Боткиным: *Переписка с Боткиным*. С. 187. Основываясь на исследованиях Б. Я. Бухштаба, Ю. П. Благоволина сделала слишком далеко идущий вывод о том, что в рукописях Фета отсутствует авторская правка и что она вносилась по советам литературных «редакторов». И хотя исследовательница оговаривается, что «окончательные выводы делать рано», по меньшей мере странным выглядит ее заявление о черновиках переводов Фета, которые к моменту написания статьи в значительной части были опубликованы и прокомментированы во втором томе Собрания сочинений и писем в 20 т. Не менее странным выглядит заявление Благоволиной о том, что в четвертом томе (СПб., 2007) републикован текст деревенских очерков Фета, напечатанный в издании 2001 г. (Там же. С. 185).

⁵⁴ *Фет А. А.* Собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2004. Т. 2: Переводы 1839–1863 / Редактор тома Н. П. Генералова. Тексты и комментарии подготовили А. В. Ачкасов, Н. П. Генералова, В. А. Лукина, А. В. Успенская. 702 с.

⁵⁵ *Фет А. А.* Собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2002. Т. 1: Стихотворения и поэмы 1839–1863 / Редактор тома В. А. Кошелев. Тексты и комментарии подготовили Н. П. Генералова, В. А. Кошелев, Г. В. Петрова. 552 с.

ное отношение к которым было высказано уже в изданиях Страхова и Никольского.

По сравнению с изданиями «Библиотеки поэта» значительно расширен историко-литературный и реальный комментарий. В выходящем пятом томе Собрания сочинений и писем, включающем все выпуски «Вечерних огней» и раздел «Стихотворения и поэмы, не вошедшие в сборники», общий объем комментариев превышает предыдущие в несколько раз.

Пунктуация, существенно менявшаяся от издания к изданию в зависимости от воли редактора, в настоящем издании воспроизводится в соответствии с приводимыми публикациями или по автографам. В случае существенных разночтений в публикации и в автографе приводится вариант пунктуационного решения в автографе.

В разделах, касающихся произведений, не вошедших в прижизненные сборники, указывается источник, по которому печатается стихотворение.

Произведена ревизия датировок стихотворений и внесен целый ряд уточнений.

Ранней редакцией называется редакция, представленная, как правило, в первой публикации, хотя, строго говоря, ею следует считать редакцию в первом по времени автографе. В ряде случаев в качестве ранней редакции приводится рукописный автограф, с сохранением авторских знаков препинания, что дает возможность читателю познакомиться с авторской рукописью.

В тех случаях, когда стихотворение не печаталось при жизни поэта и сохранился его автограф, мы, как правило, публикуем его по автографу, дабы избежать пунктуационных и иных вмешательств в текст. Так, к примеру, стихотворение «Чем доле я живу, чем больше пережил...», не увидевшее свет при жизни Фета, впервые было опубликовано Никольским с редакторской правкой, принадлежавшей, по-видимому, ему самому.

В принципе в комментариях учитываются только прижизненные публикации и автографы, хотя в отдельных случаях возникала необходимость обращения к посмертным публикациям. Разночтения с последними публикациями Б. Я. Бухштаба и М. А. Соколовой, как правило, также не учитываются ввиду их относительной доступности современному читателю.

Важность авторизованных списков в *T 1* и в *T 2*, содержащих авторскую правку, а также списков, подготовленных М. П. Шеншиной, поскольку они, как правило, являются достоверными (переписчица не стре-

милась «редактировать» тексты и пунктуацию), трудно переоценить, так как нередко эти списки являются единственными свидетельствами авторской воли поэта. Усердная переписчица старательно воспроизводила авторский текст и, несомненно, пунктуацию, в отличие, например, от Страхова, который гордился, что многое «прояснял» в авторских текстах посредством пунктуации. 27 октября 1893 года К. Р. писал Страхову: «Благодаря исправленным вами знакам препинания многие стихотворения, которых я просто не понимал, получили для меня свою надлежащую прелесть. Как я вам благодарен за это собрание стихов, приготовленных к печати!».⁵⁶ Страхов отвечал: «Знаки препинания, кажется, самая сильная моя сторона».⁵⁷

Что касается авторизованных списков, сделанных Е. В. Федоровой (в замуж. Кудрявцевой), ставшей главной помощницей Фета с 1886 года, то их следует признать наиболее авторитетными после собственно-ручных автографов, поскольку эти списки (содержащиеся, как правило, в письмах к разным лицам) непосредственно диктовались поэтом своему секретарю. В отношении этих списков в издании принят термин «авторизованный текст». Списки рукой М. П. Шеншиной именуются «авторизованными списками», даже если они не имеют собственноручных помет Фета, но находятся в Т 2.

В заключение необходимо сказать, что многие текстологические вопросы и решения приходят в процессе подготовки очередных томов, поэтому в первом и пятом томах, представляющих лирические стихотворения, заметны некоторые различия в принципах подачи материала. Но подобные недочеты свойственны любому живому изданию, поставившему своей целью впервые с максимальной полнотой представить поэтическое наследие одной из крупнейших фигур общественно-литературного процесса XIX столетия, оказавшей столь значительное воздействие на последующий ход поэтической жизни русского слова.

⁵⁶ К. Р. *Переписка*. С. 416.

⁵⁷ Там же. С. 417.